

СООБЩЕНИЯ

Дуров В.И. (Воронеж). Внешнеполитический фактор в истории ирландского национализма. 1900–1916 годы	178
Котов Б.С. “Германия или Пруссия?”. Цабернский инцидент 1913 года в отражении русской прессы	191

РЕЦЕНЗИИ

Ржешевский О.А. Т.М. Исламов, Т.А. Покивайлова. Восточная Европа в силовом поле великих держав. Трансильванский вопрос. 1940–1946 годы. М., 2008	201
Орлик И.И. В.В. Марьяна. Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны. 1939–1945 гг. Кн. 1. 1939–1941 гг. М., 2007; Кн. 2. 1941–1945 гг. М., 2009	203
Короленков А.В. Окончание войны на Тихом океане: новые подходы. Стэнфорд, 2007	206
Рахшмир П.Ю. (Пермь). А. Вольфе. Будущее либерализма. Нью-Йорк, 2009	210
Сетов Р.А. И.К. Лапшина. Разделенное правление в США. М., 2009	214
Матвеева А.М. В.Е. Воронин. Польское восстание 1863 года: опыт “примирительной политики” русского правительства. М., 2008	216
Львова Э.С. В таинственной стране Мадагаскар. Год 2007. М., 2009	218

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Юбилей Б.И. Ковалёв	220
---------------------------	-----

Хроника

М.Л. Абрамсон	222
---------------------	-----

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Академик **Г.Н. Севостьянов** (главный редактор)

академик **В.А. Виноградов**, д.и.н. **В.Н. Виноградов**, к.и.н. **В.Д. Вознесенский**
(ответственный секретарь),

к.и.н. **Н.П. Калмыков**, д.и.н. **В.Н. Малов**, д.и.н. **И.И. Орлик**, д.и.н. **А.В. Пыжиков**,
д.и.н. **А.В. Ревякин**, д.и.н. **Л.П. Репина**, д.и.н. **В.В. Рогинский**, д.и.н. **В.С. Рыкин**,
д.и.н. **Н.И. Смоленский**, д.и.н. **В.В. Согрин**, академик **С.Л. Тихвинский**,
академик **А.О. Чубарьян**

*Адрес редакции: 119049, Москва, ГСП-1, Мароновский пер., 26,
тел. 8 (499) 238-08-74*

© 2010 г.

С.П. ГЛИНКИНА

ФЕНОМЕН КОРРУПЦИИ: ВЗГЛЯД ЭКОНОМИСТА

(составитель), 2010

Коррупция является предметом исследований историков, юристов, криминологов, социологов, экономистов, политологов и философов. Это обусловлено сложностью явления коррупции и его причинного комплекса, многозначностью проявления его последствий во всех областях жизни общества. В 2009 г. в журнале “Новая и новейшая история” была опубликована статья известного российского историка академика Ю.А. Полякова¹. В ней речь шла о социальной природе коррумпированности и перерождения российской элиты. В настоящей статье мы подойдем к этой проблеме с экономической точки зрения.

ИЗ ИСТОРИИ КОРРУПЦИИ

Коррупция существует на протяжении многих тысячелетий. Плутарх приписывал королю Македонии Филиппу II (правил в 359–336 гг. до н.э.), отцу Александра Македонского, крылатое выражение – “не существует таких высоких крепостных стен, через которые бы невозможно было перебраться ослу, навьюченному золотом”². Первое упоминание о коррупции в системе государственной службы, нашедшее отражение в древнейшем из известных человечеству памятников государственности – архивах Древнего Вавилона, – относится ко второй половине XXIV в. до н.э. В эпоху шумеров и семитов Царь Лагаша (древнего города – государства в Шумере на территории современного Ирака) Урукагина реформировал государственное управление с целью пресечения злоупотреблений своих чиновников и судей, а также уменьшения вымогательства незаконных вознаграждений у храмового персонала со стороны царской администрации, уменьшения и упорядочения платежей за обряды³.

Достаточно обширные сведения о коррупции содержатся в античном наследии. Величайшие древнегреческие философы Платон и Аристотель в своих работах неоднократно упоминали о разлагающем и разрушающем воздействии злоупотребления властью и взяточничества на экономическую, политическую и духовную жизнь общества. Так, Аристотель в своей работе “Политика” выделял коррупцию как важнейший фактор, способный привести государство если не к гибели, то к вырождению. При переводе трудов Аристотеля на английский язык обычно “неправильная”, “выродившаяся” форма правления переводится как “corrupt”. Борьбу с коррупцией Аристотель рассматривал как основу обеспечения государственной стабильности: “Самое главное при всяком государственном строе – это посредством законов и остального распо-

Глинка Светлана Павловна – доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института экономики РАН.

¹ Поляков Ю.А. О социальной природе коррумпированности и перерождения элиты. – Новая и новейшая история, 2009, № 2, с. 80–91.

² Цит. по: Богущ Г.И. Коррупция и международное сотрудничество в борьбе с ней. (Автореферат канд. дисс.). М., 2004.

³ Тюменев А.И. Государственное хозяйство древнего Шумера. М.-Л., 1956.

рядка устроить дело так, чтобы должностным лицам невозможно было наживаться”⁴. “Только те государственные устройства, – писал он, – которые имеют в виду общую пользу, являются, согласно со строгой справедливостью, правильными”⁵.

В Средние века понятие “коррупция” имело, прежде всего, каноническое значение – как обольщение, соблазн дьявола. Коррупция в богословии католицизма стала проявлением греховности, ибо по Апостолу Иоанну “грех есть беззаконие”. Это однако не мешало, по многочисленным свидетельствам современников, тому, что сама господствовавшая в средневековой Европе католическая церковь была средоточием коррупции. Практика торговли индульгенциями, покупки и продажи церковных санов не только противоречила основам христианского вероучения, но и являлась коррупцией в современном понимании.

В Древней Руси первое упоминание о коррупции в форме “посула”, т.е. незаконном вознаграждении, относится к Двинской уставной грамоте XIV в. Многочисленные русские исторические и литературные источники свидетельствуют о широкой распространенности коррупции на Руси. Мздоимство бояр, иных чиновников, которому способствовали системы “кормления” при полном бесправии низших классов, стало воистину национальным бедствием.

Начало Нового времени, появление в Европе централизованных государств ознаменовало новый этап в развитии коррупции. Индустриализация привела не только к экономическому росту, но и увеличению спектра общественного распределения и повышению значения властных решений. Политическая власть все более становилась “товаром” на растущем рынке. Победившая буржуазия активно участвовала в коррумпировании высших должностных лиц, а зачастую и “покупала” государственные должности.

Проблема коррупции нашла отражение в работах просветителей-энциклопедистов: Ж.-Ж. Руссо, Ш. Монтескье, Ф. Бэкона и других. В их трудах коррупция понималась как социальная болезнь, дисфункция общества. С точки зрения сторонников теории естественного права коррупция представляла собой одно из следствий расхождения между естественными и позитивными законами. Т. Гоббс в своем знаменитом “Левиафане” писал: “люди, кичащиеся своим богатством, смело совершают преступления в надежде, что им удастся избежать наказания путем коррумпирования государственной юстиции или получить прощение за деньги или другие формы вознаграждения”⁶.

КОРРУПЦИЯ В НАШЕ ВРЕМЯ

Коррупцию сравнивают с “социальной чумой”, эпидемии которой подвержены все современные государства – большие и малые, богатые и бедные. Острые формы эта опасная болезнь приняла и в России. В мировом рейтинге уровня коррупции Transparency International за 2000-е годы мы опустились на 146-ю позицию из 180 возможных. Нашими соседями являются Камерун, Эквадор, Кения, Сьерра-Леоне, Восточный Тимор, Украина и Зимбабве. В этом рейтинге мы намного отстаем от таких стран, как Замбия (123-е место), Египет (105-е), Грузия (79-е), Южная Африка (43-е). Еще в 2000 г. мы находились “всего” на 82-м месте, а теперь дошли до самого дна⁷.

По оценкам фонда “ИНДЕМ”, объем коррупционных сделок в России вырос с менее 40 млрд. долл. в 2001 г. до более 300 млрд. долл. в 2006 г.⁸ По оценкам Гене-

⁴ Аристотель. Сочинения, т. 4. М., 1984, с. 547.

⁵ Там же.

⁶ Гоббс Т. Левиафан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М., 1936.

⁷ Transparency International: Коррупция мешает России совершить экономический прорыв. – <http://top.rbc.ru/society/17/11/2009/346661.shtml>

⁸ Новая газета, 7.11.2008.

ральной прокуратуры РФ, средний размер взятки с конца 1990-х годов вырос в 13 раз и к 2008 г. составил 130 тыс. долл. 90% всех чиновников являются коррупционерами⁹. Сотни тысяч наделенных правом выступать от лица государства служащих и политических деятелей приватизируют государство в своих узкокорыстных интересах. Коррупция становится механизмом формирования государственного аппарата¹⁰, политической системы, распределения средств государственного бюджета. Она разваливает российскую армию, ставя под угрозу жизни и защищаемых, и защищающих¹¹, угрожает здоровью нации¹², деморализует общество.

По свидетельству отечественных экономистов, огромного размаха достигла корпоративная коррупция. В условиях современного финансово-экономического кризиса “договороспособность” менеджеров приближается к 100%, главное – цена вопроса. А она немаленькая, поскольку в нее закладываются отступные для правоохранительных органов. В итоге в звене топ-менеджеров коррупционные преступления не выявляются. Растет коррупция и в ходе организации государственных закупок. Руководители компаний принимают любые условия чиновников. Откаты достигают 40%. Затраты списываются бизнесом за счет искажения финансовой отчетности. Повсеместно распространяется настроение: “взять денег по максимуму и вывести за границу, либо просто расписать по карманам”¹³.

О масштабах коррупции в высших слоях чиновничества говорить сложно. По мнению председателя Национального антикоррупционного комитета К. Кабанова, “чем выше уровень и статус коррупционера, тем выше уровень его покровителей”¹⁴. По свидетельству заместителя председателя Комитета по безопасности Государственной Думы РФ Г.В. Гудкова, “взятка в огромном слое политической и экономической элиты России, по существу, стала образом жизни”¹⁵. Однако “дел, где фигурируют высокопоставленные чиновники, пока не много”¹⁶. Неслучайно в своем первом послании Федеральному Собранию 5 ноября 2008 г. Президент РФ Д.А. Медведев заявил, что “для свободного, демократического и справедливого общества враг номер один – это коррупция”.

КОРРУПЦИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Какова взаимосвязь между этими явлениями? Среди экономических теорий коррупции заслуживает внимания теория коррупции как статусной ренты за монопольное положение чиновника, а также так называемая агентская модель коррупции.

В соответствии с “агентской моделью” существует три типа экономических агентов: уполномоченный, уполномочивающий и третье лицо, доходы и потери которого зависят от уполномоченного. Уполномочивающим или принципом выступает центральное правительство. Оно устанавливает правила игры и ставит уполномоченным или агентам (чиновникам) конкретные задачи. Чиновники при этом выступают как посредники между центральным правительством и клиентами (отдельными гражданами и фирмами). В обмен на уплату налогов агент от имени принципала предоставляет клиентам различные услуги (защищает права собственности, лицензирует деятель-

⁹ Тихомиров Ю. Лечить надо все общество. О системном противодействии коррупции. – Российская Федерация сегодня, 2008, № 22, с. 3.

¹⁰ См.: Демченко В. Генеральская должность в Москве стоит миллион долларов. Интервью с лидером профсоюза милиционеров М. Пашкиным. – Известия, 21.V.2009.

¹¹ Шаров А. Коррупционеры украли танковый полк. – Российская газета, 2.XII.2008.

¹² Лебедева Е. Почему на рынках спокойно торгуют просроченными продуктами. – Комсомольская правда, 19.I.2010.

¹³ Долгих А. Верховный суд назвал главных коррупционеров страны. – Новые известия, 28.V.2009.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Гудков Г. Коррупция для России страшнее НАТО! – Комсомольская правда, 15.I.2010.

¹⁶ Долгих А. Указ. соч.

ность фирм, выдает гражданам социальные пособия, осуществляет наем работников на государственную службу и т.д.).

Коррупция возникает тогда, когда в описанной системе (в треугольнике) появляются серьезные сбои. Первый сбой в работе системы может быть связан с трудностями контроля со стороны принципала за деятельностью агентов – посредников. Естественно, чем многочисленнее слой чиновников, тем сложнее осуществлять государственный контроль за деятельностью бюрократии. (Для справки: численность государственных служащих в современной России – 1,8 млн. человек, что существенно превышает численность бюрократии в СССР.) Поскольку точность выполнения вмененных чиновнику обязанностей проконтролировать трудно, агент сам решает – быть ли ему “честным” перед принципалом, или идти на нарушение закона в своекорыстных интересах¹⁷.

Решение чиновника о вступлении в коррупционные отношения предопределяется рядом факторов:

- ожидаемым вознаграждением за добросовестную работу;
- возможным наказанием за злоупотребления;
- степенью вероятности быть “пойманным за руку”;
- моральными нормами, господствующими в обществе (в системе государственной службы, на конкретном рабочем месте), определяющими меру допустимости отклонений от требований закона.

Анализ перечисленных факторов, предопределяющих “сбои” в системе взаимоотношений между принципалом и агентом, позволяют сделать ряд заключений применительно к современной России.

Очевидно, что в условиях развала государственной системы вследствие крушения СССР, при отсутствии у нового руководства ясного представления о траектории и конечной цели трансформационных реформ связь между центральным правительством (принципалом) и его агентами (чиновниками) нарушается. Последние начинают рассматривать предоставляемые им рабочим местом возможности как условия для разворачивания собственного бизнеса (“продажа услуг”). При этом они, как правило, оправдывают свою позицию низкой (в сравнении с возможностями частного сектора и искушением взяток) заработной платой.

Бесспорно, достойная зарплата является необходимым условием для предотвращения коррупции. Если заработная плата не обеспечивает современного уровня воспроизводства рабочей силы¹⁸ (а, по разным оценкам, современный уровень воспроизводства в современной России имеют не более 30% населения), формируются серьезные стимулы для разрастания коррупции. Однако, как показывает практика, достойная зарплата – необходимое, но недостаточное условие для противодействия коррупции. Как сказал один из проинтервьюированных нами предпринимателей, “при существующем положении дел в стране против коррупции чиновничества повышение зарплаты не поможет. Система взяток уже накатана. Если чиновник попробовал халявного хлеба, он не откажется от него, каким бы ни был его оклад”. Действительно, если все дело только в окладе, то почему взятки, к счастью, берут не все низкооплачиваемые чиновники и почему приходится возбуждать дела против руководителей государственных корпораций по фактам злоупотребления ими своим служебным положением, т.е. по фактам коррупции, несмотря на то, что их месячные оклады превышают 100 тыс. евро? Не ясно, должно ли государство вступать в конкурентную борьбу с потенциальными взят-

¹⁷ Чиновник может получать взятки от клиента – за ускоренное предоставление услуги (“вне очереди”); за предоставление больших услуг и взимание меньших налогов, чем предусмотрено законом; за неиспользование возможностей проявления самодурства (придирки, дополнительные проверки и т.д.).

¹⁸ Очевидно, что современный уровень воспроизводства рабочей силы должен предусматривать расходы не только на питание, одежду, отдых, воспитание и образование детей, но и возможность в результате честного труда приобрести жилье, а по итогам трудовой деятельности – получить приемлемые условия жизни в старости.

кодателями за “любовь и верность чиновника”, особенно если учесть огромные финансовые возможности по коррумпированию государственных служащих, каковыми обладают крупные легальные бизнесмены, а также представители мафиозных групп?

По поводу необходимости ужесточения наказания за коррупцию. Противники этой меры утверждают, что строгость приведет лишь к еще большему уровню коррупции, поскольку коррумпировать чиновников будут и в интересах ухода от наказания. Действительно, в мировой практике используется не только смертная казнь с предъявлением родственникам коррупционера счета за пулю, использованную при исполнении приговора (КНР), но и значительно более мягкие меры, например, лишение чиновника льгот, уплата обвиняемым вмененного ему экономического ущерба, денежные штрафы и т.д. Выбор меры наказания за законодателями. Нельзя допускать лишь одного – безнаказанности, которая царит в российском обществе до последнего времени. Вот лишь некоторые цифровые данные.

Если анализировать масштабы коррупции в России на основе официальной статистики о количестве выявленных коррупционных преступлений, а тем более ориентироваться на цифры реально осужденных по соответствующим статьям лиц, то можно признать: коррупции в стране нет. А разговоры о ней – плод воспаленного общественного мнения и “гоняющихся за жареным” журналистов, либо козни политических оппонентов. В 2008 г. за взятки в стране было осуждено 1300 человек. Среди задержанных преобладали работники МВД (в 2008 г. 31% всех осужденных), врачи и медперсонал (20,3%), учителя (12%). Доля муниципальных служащих среди осужденных взяточников в 2008 г. составила лишь 9%, работников Федеральной службы исполнения наказания – 2,5%. Суммы, на которых в 2008 г. попало большинство российских коррупционеров, выглядят просто смешно: 13,8% были осуждены за получение взятки до 500 руб., у 33% взятка составила от 500 до 3 тыс. руб., у 23% – от 3 тыс. до 10 тыс., у 12% – от 10 тыс. до 30 тыс. руб. Таким образом, средний размер взятки можно оценить в 5 тыс. руб. Выходит, что осужденные 1300 человек своими противоправными действиями нанесли государству и обществу ущерб на сумму 6,5 млн. руб. или по 4 копейки в расчете на одного гражданина России¹⁹.

В 2009 г. положение с коррупцией оставалось малоутешительным. Во втором Послании Президента Д.А. Медведева Федеральному Собранию 12 ноября 2009 г. говорится о том, что только за 6 месяцев текущего года рассмотрено свыше 4,5 тыс. дел коррупционной направленности. Среди осужденных – 532 представителя органов государственной власти и органов местного самоуправления, более 700 работников правоохранительных органов. «Эти цифры – подчеркивалось в послании президента, – к сожалению, свидетельствуют и о масштабах коррупции, поразивших наше общество. Однако одними “посадками” проблему не решить. Но сажать надо».

В условиях повсеместного распространения средств массовой информации сложившаяся в стране ситуация в сфере борьбы с коррупцией самым негативным образом сказывается на формировании в обществе моральных норм, определяющих меру допустимости отступлений от требований закона. Очевидно, что чем больше людей берут взятки, тем меньше угрызения совести мучают тех, кто стоит перед выбором – брать или не брать. Как написал в предложенном нами эссе на эту тему один из студентов престижного московского вуза, «индивид просто не может понять, почему ему нельзя брать взятки (как самое очевидное проявление коррупции). Его не держат никакие моральные “гормоза”. Он понимает, что как бы много он ни взял, он никогда не сможет взять столько же, сколько олигархи».

Таким образом, безнаказанность коррупционеров – верный путь к окончательной деморализации общества.

В треугольнике “принципал – агент – клиент” в современной России возникает и ряд других сбоев, ведущих к разрастанию коррупции. Так, цивилизованное государст-

¹⁹ Долгих А. Указ. соч.

во гарантирует гражданину, хозяйственному субъекту такие услуги, как социальная защита, неприкосновенность личности, нормальные экономические и институциональные условия хозяйственной деятельности и т.д., требуя от гражданина (фирмы) выполнения ряда условий (уплата налогов, ведение легальной деятельности, выполнение фитосанитарных условий и пр.). Если же этот “общественный договор” нарушается (в российском случае в 1990-е годы он был нарушен, прежде всего, государством), то, как писал известный экономист, автор теории общественных благ М. Олсон, в условиях введения “рынка наоборот” “почти все частные предприниматели имеют побудительные мотивы к нарушению закона, при этом почти ни у кого не возникает стимула сообщать о таких нарушениях властям... Не только *совокупный* побудительный мотив частного сектора толкает его обойти закон, но и все побудительные мотивы, характерные для частного сектора, оказываются на стороне тех, кто нарушает правила и постановления. Когда таких постановлений и ограничений становится слишком много, рано или поздно частный сектор (поскольку все или почти все его представители имеют побудительные мотивы к нарушению антирыночных установок или к подкупу чиновников) делает правительство коррумпированным”²⁰.

Этот вывод имеет прямое отношение к содержанию теории коррупции как статусной ренты. Ее сторонники (Г. Беккер, Р. Вишни, Ф. Луи, П. Маури, С. Роуз-Аккерма, В. Танци, И. Шихата, А. Шляйфер и др.) встраивают явление коррупции в общий логический ряд нелиберальной методологии, доказывая, что субъекты коррупционных связей пытаются найти оптимальный способ реализации своих интересов в условиях ограниченности ресурсов. Для них коррупция – рациональный способ оптимизации издержек.

Эта точка зрения нашла широкое распространение и в российской экономической науке. Так, Н. Епифанова в статье “Исследование коррупции на основе методов экономической теории” пишет: “Говоря о коррупции с позиций экономической теории, мы можем определить ее как проявление такого поведения индивидов, целью которого является максимизация их полезности посредством извлечения непроизводительного дохода за счет использования и перераспределения ресурсов, не принадлежащих этим индивидам, но доступных им”²¹. Речь идет о “поиске ренты”, под которой в экономической литературе понимают непроизводительную деятельность, в основе которой лежит “расход редких ресурсов ради получения искусственно созданного трансферта”. В таком случае, как справедливо пишет российский социолог С.Ю. Барсукова, “поведение политика, чиновника, бизнесмена не имеет сущностных отличий: все они пытаются использовать имеющиеся ресурсные ограничения с наибольшей выгодой для себя... Одни оперируют капиталом политическим, другие – административным, третьи – экономическим. При этом цели участников коррупционных сделок не ограничиваются материальными траншами, включая в круг притязаний переизбрание на выборах, сохранение должности в административной иерархии, новые деловые возможности”²².

Экономисты – неоклассики выступают мягкими апологетами коррупции. По их мнению, коррупция может быть вполне функциональна, поскольку является противовесом излишней бюрократизации²³, а, следовательно, выступает средством уско-

²⁰ Олсон М. Возвышение и упадок народов: экономический рост, стагфляция, социальный склероз. Новосибирск, 1998, с. 401.

²¹ Епифанова Н. Исследование коррупции на основе методов экономической теории. – Вопросы экономики, 2007, № 1, с. 36.

²² Барсукова С.Ю. Коррупция: научные дебаты и российская реальность. – Общественные науки и современность, 2008, № 5 с. 39.

²³ В среде исследователей, работающих в русле экономического анализа, существование коррупции объясняется чаще всего чрезмерным вмешательством государства в экономические процессы. Представители классического либерализма рассматривают коррупцию в качестве “провала государства”. Еще известный австрийский экономист Л. фон Мизес указывал: “Коррупция является настоящим спутником интервенционализма”. – Мизес Л. Человеческая деятельность. М., 2000, с. 689.

рения процессов принятия управленческих решений и способствует эффективному хозяйствованию. Наиболее развернутое изложение такой точки зрения мы находим в работах одного из руководителей Центра по изучению нелегальной экономической деятельности при Институте экономики, управления и права Л.М. Тимофеева, который утверждает, что коррупция может рассматриваться как явление положительное, разумное, как проявление здравого смысла в экономическом поведении человека²⁴. Л.М. Тимофеев полагает, что “время смывает с исторических явлений копоть юридических предрассудков и идеологических мифов и позволяет разглядеть глубинный мотив общественного поведения человека – его рациональный экономический интерес, который объясняет, а иногда и оправдывает преступление юридического закона”²⁵. Коррупция, в изложении Л.М. Тимофеева, – инструмент рынка, компенсирующий препятствия, создаваемые государством “здравому смыслу экономического интереса”. Первичность индивидуального экономического интереса, по его мнению, оправдывает и даже предопределяет формирование “теневого права” – “сложной полиинституциональной системы частных правовых решений, неизбежно возникающих за рамками юридических законов, регулирующих отношения собственности”²⁶. Существование “теневого права” призвано “сократить транзакционные издержки на обустройство рыночных обменов в тех случаях, когда государственное вмешательство имеет характер отрицательного внешнего эффекта”²⁷.

Для представителей неоклассической экономической школы коррупция – необходимая смазка для эффективного функционирования рынка в условиях несовершенства государственного вмешательства в распределение и использование общественных ресурсов. Для них коррупция – инструмент преодоления ситуации отставания сложившихся и статичных законодательных норм – инструкций – правил от быстро меняющейся жизни²⁸. Конечно, рано или поздно пересмотр устаревших норм совершается, но это процесс чрезвычайно медленный. Преодолеть отставание можно расширительным пересмотром законодательных норм и этим дать простор свободному росту новых жизненных сил. Такова практика многих цивилизованных стран, но особенностью России является то, что истолкование закона у нас, как отмечал еще исследователь дореволюционного российского чиновничества социолог П. Берлин, всегда происходило и происходит “не в расширительном, а, наоборот, в ограничительном смысле”²⁹. В таких условиях на помощь сторонникам нового приходит, как ни парадоксально, “взятка”, с помощью которой удастся чуть-чуть расширить свободу действий, прежде всего в экономической области: «В стране с отсталым политическим строем, с отсталым законодательством взятка, – писал П. Берлин, – сплошь и рядом выступала в “конституционной” роли»³⁰. Вероятно, эту функцию взятки имел в виду бывший мэр Москвы Г.Х. Попов, когда в начале 1990-х годов признавал, что предпринимателям

Следует отметить, что положения о связи коррупции и централизации экономического управления первоначально были сформулированы для стран с централизованно-управляемой экономикой, к которым относилась и Россия (СССР), а также для стран “третьего мира”. Хотя в дальнейшем разработчики данного направления аналогичным образом подходили и к анализу коррупции в развитых странах с рыночной экономикой, выступая против расширяющегося государственного участия.

²⁴ Тимофеев Л.М. Институциональная коррупция: Очерки теории. – <http://corruption.rsuh.ru/books/5-7281-0437-1.shtml>

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ В начале 1920-х годов американский социолог В. Огборн назвал это явление “культурным отставанием”. В России о явлении несинхронного развития и проблемах, возникающих на этой почве, писали П.Б. Струве и М.И. Туган-Барановский.

²⁹ Берлин П. Русское взяточничество, как социально-историческое явление. – Современный мир, 1910, № 8, с. 55.

³⁰ Там же, с. 56.

придется давать взятки чиновникам для пользы “дела”. Его заявление тогда получило широкий резонанс.

Современные сторонники позитивных функций коррупции усматривают прямую взаимосвязь между коррупцией и экономическим ростом, поскольку коррупция, по их мнению, способствует заключению большего количества сделок в более короткие сроки за счет минимизации транзакционных издержек. Некоторые экономисты договариваются до того, что коррупция увеличивает общественное благосостояние, поскольку дает возможность построить систему адекватного вознаграждения труда недостаточно оплачиваемых госслужащих³¹.

Позволим себе лишь несколько замечаний по поводу “позитивных функций” коррупции. Во-первых, многие выводы “функционалистов” опровергаются исследованиями видных западных экономистов. Так, например, в работах П. Мауро³² показана отрицательная роль высокого уровня коррупции на экономический рост, на уменьшение частных внутренних и иностранных инвестиций, возрастание неэффективных государственных расходов. Неблагоприятное воздействие коррупционных процессов на изменение структуры инвестиций (увеличение более масштабных и капиталоемких объектов, снижение расходов на здравоохранение и образование, общее снижение эффективности вложений) рассматривается в статье В. Танзи и Г. Давуди³³. С. Роуз-Аккерман, на основе анализа множества развивающихся экономик, отмечает, что “даже если коррупция и экономический рост мирно уживаются, взятки стимулируют новые издержки и приводят к искажению экономических целей”³⁴.

Совершенно очевидно, что говорить о коррупции как инструменте, способствующем экономическому росту за счет заключения большего количества сделок в более короткие сроки и минимизации транзакционных издержек, неправомерно. Ведь экономический рост не определяется числом транзакций. Если, например, коррупция становится инструментом выведения финансовых средств из экономики (а это – реальная практика современной России), то это прямой путь к развалу экономики, а не к ее динамическому развитию.

Исследования, проведенные Всемирным банком и другими организациями, показывают, что подкуп и взяточничество вместо того, чтобы способствовать развитию деловой активности, на деле ведут к появлению неимоверного числа новых фактически ненужных правил, применение которых отдано на усмотрение чиновников. Другими словами, взяточничество порождает новых взяточников, наращая все новые слои бюрократии, стремящиеся к наживе. Государственные служащие часто заинтересованы в искусственном создании бюрократических барьеров, порождающих дополнительный спрос на взятки, что приводит к ограничению эффективности. При этом любая взятка создает отрицательные внешние эффекты и негативно воздействует на экономическое развитие в целом.

В современной России признание “прогрессивности” взятки сопровождается глубоким убеждением так называемой элиты (экономической, политической и пр.) в том, что именно ее представители “имеют право на ускоренное развитие, на первоочередное решение их проблем” в отличие от остальных граждан общества. В результате “прогрессивность” оборачивается очень личной заинтересованностью. И если для отдельного субъекта (клиента) возможно достижение определенных целей при исполь-

³¹ *Leff N.* Economic Development through Bureaucratic Corruption. – *American Behavioral Scientist*, 1964, v. 8, № 3, p. 8–14.

³² *Mauro P.* Corruption and Growth. – *Quarterly Journal of Economics*, 1995, v. 110 (August), p. 681–712; *idem.* The Effects of Corruption on Growth, Investment, and Government Expenditure. IMF Working Paper No. 96/98 (September 1996).

³³ *Tanzi V., Davoodi H.* Corruption, Public Investment and Growth. – IMF, Working Paper № 97/139 (October 1997).

³⁴ *Роуз-Аккерман С.* Коррупция и государство. Причины, следствия, реформы. М., 2003, с. 123.

зовании коррупции как инструмента в конкурентной борьбе, то с позиции страны в целом коррупция означает ограничение конкуренции, недобор налогов, рост теневого сектора экономики и сокращение инвестиций. Коррупционное “ускорение” реализации прав одних лиц не может осуществляться без нарушения прав других, попрания не только правовых, но и многовековых нравственных принципов справедливости и равенства граждан перед законом.

Нельзя не упомянуть и о том, что коррупция усугубляет неуверенность и неопределенность экономической среды (что и без ее влияния является проблемой стран, осуществляющих реформы), поскольку имеет место кумулятивный эффект искажения ориентиров экономического роста, создаваемого множеством отдельных коррупционных сделок.

Взятка развращает нравственно и политически не только берущих, но и дающих, ибо, протолкнув “прогрессивное” дело через взятку дающий ее человек перестает уважать закон и может в следующий раз обратиться к взятке при делах сомнительной прогрессивности и подчас в противозаконных акциях по сути, а не по форме. Что и имеет место в действительности. Следовательно, “неконституционное” значение взяток явно перевешивает ее “конституционную” роль.

Коррупция, а точнее, возможность получения больших взяток, может служить серьезным стимулом к завоеванию или удержанию политической власти и влияния как для правящих элитных групп, так и для оппозиции. Установление же власти, мотивированной желанием сохранения привилегий и получения коррупционных платежей, искажает приоритеты экономической и социальной политики, когда провозглашаемые цели и стратегия развития лишь в малой степени отвечают интересам страны.

И, наконец, говоря о влиянии коррупции на экономическое развитие, нельзя не видеть, что коррупция – мощнейший инструмент уничтожения законодательной системы, что самым негативным образом сказывается на экономическом развитии. Неслучайно, многие опрошенные нами бизнесмены, казалось бы, заинтересованные в использовании взятки для продвижения хозяйственных решений, говорят: “Пусть будет плохой закон, но пусть он выполняется. Это все же лучше, чем ситуация, когда вследствие невыполнения закона, своевольного его толкования, постоянных изъятий из него в пользу отдельных лиц, ты никак не можешь понять, в какой системе координат живешь”. Как сказала одна из проинтервьюированных нами, “проблема российского бизнеса в том, что каждое утро точка отсчета меняется”.

Многолетние исследования трансформационных процессов в постсоциалистических странах показывают: успех достигался лишь там, где были установлены четкие и работающие нормы права: вне правового поля успешная трансформация невозможна. Яркие примеры этого – с одной стороны, присоединение стран Центральной и Восточной Европы к ЕС через заимствование законодательства Евросоюза и формирование институтов, гарантирующих создание правового государства, а с другой – “узурпация”, “скупка” государства отдельными представителями бизнеса, которые начинают оказывать воздействие на формирование основных правил игры (т.е. законов, положений, правил и инструкций) в России и большинстве постсоветских государств.

Значительные выгоды для скупщиков в “скупленной экономике” приводят к серьезным отрицательным эффектам для всех других фирм. В результате эффективность работы той или иной компании в России в меньшей степени зависит от того, насколько хорошо она работает, и в большей – от издержек, налагаемых на нее законом, т.е. предприниматель, который лучше манипулирует связями с чиновниками, с представителями власти оказывается более успешным, чем тот, кто озабочен лишь производством³⁵. Афористично звучит фраза известного российского банкира П.О. Авена: «Политика –

³⁵ Галицкий Е., Левин М. Коррупционные взаимоотношения бизнеса и власти. – Вопросы экономики, 2007, № 1, с. 19–32.

это всего-навсего выгодное размещение капиталов. Каждый вложенный в “своего” политика рубль оборачивается 100-процентной прибылью»³⁶.

“Скупка” государства ведет к нарушению основного механизма здоровой рыночной экономики – свободной конкуренции. Фирмам – скупщикам государства вовсе не нужно специально использовать свои отношения с государственными чиновниками, чтобы создать препятствия для проникновения на рынок других фирм, ведь любое соглашение между агентом рынка и стороной, устанавливающей правила игры, автоматически сужает возможности для других агентов (независимо от того, входит это в их намерения или нет)³⁷. Как показывает анализ, именно это и происходит с российским бизнесом. Одиозное неравенство в положении предприятий (их влияние, возможности доступа в коридоры власти) приводит к тому, что некоторые предприятия получают сверхприбыли, другие же разоряются. Ситуация транслируется с всероссийского на региональный и муниципальные уровни, где происходили и происходят те же процессы “скупки государственной власти”.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ КОРРУПЦИИ

Характерной чертой организации современного российского общества, в частности, власти и бизнеса, является формирование неформальных сетей, которые структурируются на различных системах ролевых ожиданий (семейных, дружеских, этнических, клановых, религиозных, корпоративных). Неформальные сети имеют множество целей и включают в себя различные виды деятельности. Они строятся на принципах взаимопомощи и солидарности, создают свои системы правил, соблюдение которых является приоритетным и по отношению к нормам государства и семьи, и по отношению к интересам отдельного их участника³⁸. Как следствие этого, “коррупционер – одиночка” в современной России – вымирающий вид. Ему на смену пришли неформальные структуры – коррупционные сети. Происходит процесс “корпоратизации” коррупции. Известный российский экономист и социолог проф. В.В. Радаев писал: «Взятка – это всего лишь примитивная начальная форма отношений, которая опосредует короткие (разовые) взаимодействия и характерна преимущественно для чиновника мелкой и средней руки, а также для представителей малого бизнеса. Элементарная взятка перерастает в систему обмена услугами, которые уже не принимают денежную форму и даже не сводятся к личным подаркам – подношениям. В дальнейшем с укреплением взаимного доверия между чиновником и предпринимателем их связь может плавно перерасти в длительное сотрудничество или неформальные “контракт – отношения” (relational contracting), где обмен услугами как таковыми по типу “ты – мне, я – тебе” вообще не обязателен. Речь идет о взаимной стратегической и тактической поддержке, сопровождающейся родственными или дружескими связями»³⁹.

В случае формирования коррупционной сети, несмотря на то, что решение о взятке принимает индивид, им учитывается не столько индивидуальный баланс выгод и издержек этого шага, сколько нормы поведения в сетевой структуре, членом которой индивид является. Так, например, субъективное восприятие риска снижается, если чиновник делится взяткой с начальством, продавец отдает часть “отката” руководителю фирмы и т.д. И чем многочисленнее сеть участников коррупционной сделки, тем чувство вины меньше, как, впрочем, и риск испортить репутацию в случае разоблачения. Если же в качестве третьей стороны в коррупционной сделке участвует все общество, моральные издержки участников близки к нулю. В результате формируется так называемая “институциональная ловушка”, при которой чем больше людей включены в коррупционные сети, тем “опаснее” и “неэффективнее” становится (с точки зрения

³⁶ Рабочая трибуна, 2.VIII.1995.

³⁷ Нестик Т.А. Коррупция и культура. – Экономическая теория преступлений и наказаний. – <http://corruption.rsuh.ru/magazine/4-2/n4-05.html>

³⁸ Барсукова С.Ю. Указ. соч., с. 39.

³⁹ Радаев В.В. Формирование новых российских рынков. М., 1998, с. 167.

реализации личных интересов, “баланса индивидуальных затрат и выгод”) нахождение вне коррупционной деятельности, коррупционной сети.

Практически любые контакты власти и бизнеса в современной России строятся на коррупционной основе. Причем формы взаимодействия чиновников с конкретными частными структурами эволюционируют: если еще недавно они предполагали “откуп” конкретного чиновника конкретной структурой, то теперь все чаще наблюдается его включенность в сеть взаимных услуг не возмездного характера, которые, однако, концентрируются в точках принятия решений (и в государственном аппарате, и в бизнесе). Как отмечает ректор Высшей школы экономики Я.И. Кузьминов, «даже у честного чиновника, который не мыслит себя в роли подкупленного и с негодованием отвергнет любую предложенную в обмен на конкретную услугу сумму, через “дружеские сети” проходит такая значительная часть дохода, что он не может существовать вне ее и, соответственно, противостоять косвенному давлению»⁴⁰.

Учитывая такие особенности взаимодействия государственного аппарата и бизнеса, некоторые исследователи делают вывод о том, что на современном этапе речь уже идет не о коррупции, а о “сложившейся системе взаимодействия государства и бизнеса, которую было бы правильно назвать коммерциализацией системы государственного управления (власти)”⁴¹. Нельзя не согласиться с выводом В.В. Радаева о том, что “коррупция в России – не просто монополия рента конкретного чиновника (понимаемая добросовестными экономическими агентами как часть издержек доступа к активам или ведению бизнеса), это субститут доли прибыли, элемент нелегальных финансовых потоков (дохода), предназначенный для **временно занятых на государственной службе** участников и партнеров контролирующей группы”⁴².

Хотелось бы обратить внимание на выделенные слова “временно занятых на государственной службе”. В Европейском Союзе есть такое правило: уходящий в отставку комиссар Еврокомиссии имеет право устроиться на работу только с согласия Комиссии ЕС. При этом пожизненно он лишен возможности работать в областях, находившихся в сфере его компетенции в годы работы международным чиновником. В свете этого общепринятого “цивилизованного” опыта интересно было бы проследить судьбу высших российских чиновников, покидавших свои посты и оказывавшихся на работе в частных компаниях вместе с инсайдерской информацией, “накопленным социальным капиталом”, а нередко и большими возможностями по использованию бюджетных денег.

КОРРУПЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ РЕФОРМ

На начальном этапе трансформации экономики коррупция в России нередко объявлялась “инструментом” бескровного преобразования общества, мобилизации элит и активизации прогрессивных реформ. Так, известный экономист, ректор Академии народного хозяйства при правительстве РФ проф. В.А. Мау в коллективной работе “Экономика переходного периода. Очерки экономической политики посткоммунистической России. 1991 – 1997” “писал: “Механизмом, обеспечивающим выживание слабой революционной власти, являются манипуляции с недвижимостью... Конкретные же действия революционного правительства детерминируются... факторами политической целесообразности вкупе с элементами коррупции”⁴³.

Эту же идею развивал и Е.Т. Гайдар во вступительном слове к книге А. Радыгина “Реформа собственности в России: на пути из прошлого в будущее”: “Если бы путь в рынок не был, как медом намазан – вымощен долларами для номенклатуры, то едва

⁴⁰ Кузьминов Я.И. Тезисы о коррупции. М., 1999, с. 8–12.

⁴¹ Косалс Л. Центр реформ – микроуровень. – Независимая газета, 8.I.2000.

⁴² Цит по: Радыгин А. Сидоров И. Российская корпоративная экономика: сто лет одиночества. – Вопросы экономики, 2000, № 5, с. 56.

⁴³ Экономика переходного периода. Очерки экономической политики посткоммунистической России. 1991–1997. М., 1998, с. 24.

ли она бы пошла по нему добровольно и едва ли страна смогла бы пройти этот путь мирно, бескровно”⁴⁴.

Таким образом, манипуляции с собственностью и коррупция рассматривались силами, пришедшими к власти в России в начале 1990-х годов, в качестве важнейших инструментов трансформации социально-экономической системы. Если же вспомнить острые дискуссии конца 1980-х годов о роли теневой экономики и теневых капиталов в возможном рыночном реформировании системы, то следует признать, что в идеологии трансформации теневой, коррупционной составляющей во благо политической целесообразности отводилась огромная роль. Так, бывший министр финансов А.Я. Лившиц, в интервью одной из московских газет, заявлял о том, что активная борьба с коррупцией и организованной преступностью может торпедировать все экономические реформы в России⁴⁵.

В условиях трансформации коррупция стала механизмом формирования социально-политических групп поддержки режима. Классический пример – залоговые аукционы, которые, по мнению многих, стали актом раздачи политикообразующих отраслей экономики социальным силам, способным обеспечить победу Б.Н. Ельцина на президентских выборах 1996 г.

Такая логика реформирования “удачно” легла на российскую историческую традицию, получившую освещение еще в дореволюционной научной литературе. П. Берлин еще в начале XX в. писал: «В обществе укоренилась идея – политической властью можно пользоваться для незаконного обогащения, а политическое угодничество верный путь к богатству. Сложилась практика бездумной раздачи несметных богатств из казны фаворитам и немедленное отбирание их, коли вчерашние любимцы впадали в немилость. Ощущение временщика воспитывало установку – “хапать сейчас и максимально”... Этим путем в элитах общества “воспитывалась привычка достигать богатства не путем энергии, находчивости и труда, а извилистою тропею лести, прислужничества и политического молчалинства”»⁴⁶.

Читая эти строки, перестаешь понимать, о каком веке идет речь. В результате, как столетие назад, так и сегодня, история российских частных крупных состояний чрезвычайно разнится от истории таких же богатств в государствах Западной Европы, не говоря уж об Америке⁴⁷. “Если мы остановим свое внимание на главном поле российского взяточничества, – делал очень важное заключение П. Берлин, – то легко убедимся, что и люди, получавшие взятки, и люди, их дававшие, одновременно богатели за один общий счет – казенный”⁴⁸. И опять прямая параллель с постсоветской Россией, где разграбление средств государственного бюджета по-прежнему является основным источником личного обогащения⁴⁹.

Характер приватизации (раздача собственности своим, угодным людям) существенным образом повлиял на нравы людей и на морально-нравственный климат российского общества. Нельзя не согласиться с известным французским экономистом В. Андреффом, который в свое время писал: “Любой экономический агент, раньше или позже, оппортунистически”⁵⁰ реагировал на процесс приватизации, обходя законы и регулирующие нормы, не раздумывая, использовал любой пробел в законах для

⁴⁴ *Радыгин А.* Реформа собственности в России: на пути из прошлого в будущее. М., 1994, с. 7.

⁴⁵ <http://kprf.ru/personal/iliukhin/66850.html>

⁴⁶ *Берлин П.* Указ. соч., с. 49.

⁴⁷ *Карнович Е.* Замечательные богатства частных лиц в России. СПб., 1885.

⁴⁸ *Берлин П.* Указ. соч., с. 49.

⁴⁹ Этот факт был вынужден признать и первый Президент России Б.Н. Ельцин в своем “Обращении к Федеральному Собранию РФ” в апреле 1997 г. – Известия, 11.IV.1997.

⁵⁰ “Оппортунистическое поведение” могло принимать крайние формы, если речь шла о сверхприбылях. Так, по данным одного из специализированных информационно-аналитических агентств, от пуль киллеров погибли 10% тех руководителей российских топливных компаний, которые занялись этим бизнесом в начале 90-х годов.

минимизации и перенесения своих транзакционных издержек на других агентов, превращая их в особый барьер для входа на рынок... Эгоистическое поведение и обман как метод конкуренции увеличивали суммарные транзакционные издержки на рынке, причем основную их тяжесть несли лишь некоторые участники обмена”⁵¹.

Для осознания связи между российской моделью приватизации и морально-нравственным разложением общества следует учитывать тот факт, что, как констатируют социологи, в российском массовом сознании не отделяется собственность как таковая от социально-исторических, социально-экономических и психологических контекстов, в которых она существует. Иными словами, собственность для россиян если и не всегда, то, по крайней мере, в большинстве случаев, это сама собственность плюс обстоятельства владения ею. Причем обстоятельства получают не столько правовую, сколько морально-этическую квалификацию. Например, фундаментальной константой отечественной культуры и российского менталитета является представление о том, что право на собственность создается в первую очередь трудом, производящим какие-то общезначимые ценности и блага. Только такой, а именно честный труд рассматривается как “справедливое” основание собственности⁵².

Приверженность россиян принципу “трудовой справедливости” явно расходится с их оценкой реальной практики сегодняшних дней. Как показывают специальные исследования⁵³, у наших сограждан нет уверенности в том, что собственность – это своего рода вознаграждение за личные усилия индивида и что ею у нас действительно обладают самые способные и трудолюбивые. Судя по полученным данным, более половины населения убеждено в том, что добросовестный труд в нынешних условиях не может стать причиной успеха и источником значительного благосостояния. Все, полагают они, зависит от случая и личных связей. В условиях господства “трудовой” модели легитимной для россиян собственности это означает, по меньшей мере, их серьезные сомнения в том, что распределение значительной части собственности по ее сегодняшним хозяевам является легитимным.

Сами новые собственники, учитывая нередко “специфические” пути формирования их капиталов, чувствуют свою нелегитимность. В результате из капиталистов – предпринимателей они превращаются в жирующих потребителей, граждан, находящихся “на крючке” не только у представителей власти, но и у простых бандитов.

По итогам приватизации страна оказалась свидетелем перманентных “разборок” по поводу собственности. Каждая приходящая к власти новая группа лиц (на уровне государства, региона, области, отдельного предприятия), обладая полнотой информации о “кредитной истории старых собственников”, имеет не только все возможности, но и основания инициировать легальный или неформальный передел собственности и активно пользуется этим для укрепления своих позиций. Основной институт рынка – частная собственность – превратился в “стационарно переходный”. Перманентный передел собственности стал сутью внутриполитического процесса в стране. И каждый раз он протекает “в пользу своих”, “лояльных”, “преданных”.

В результате трансформации с широким использованием коррупционных схем мы получили экономическую и политическую элиту, не обладающую в глазах населения необходимой легитимностью. Как отметил В.В. Путин в обращении к Федеральному Собранию 10 мая 2006 г., налицо низкий уровень доверия граждан к государственной власти, погрязшей в коррупции, и к крупному бизнесу, которые не оправдали надежд, возникших у миллионов людей в начале 1990-х годов. Такая оценка, в первую очередь, связана с тем, что их представители, как выразился в Послании Федеральному Собранию 10 мая 2006 г. В.В. Путин, “пренебрегая нормами закона и нравственности,

⁵¹ *Андрей В. Постсоветская приватизация в свете теоремы Коуза (транзакционные издержки и управленческие затраты).* – Вопросы экономики, 2003, № 12, с. 123.

⁵² Подробнее см.: *Собственность в жизни россиян: домыслы и реальность.* М., 2005, с. 104–105.

⁵³ Там же, с. 112.

перешли к беспрецедентному в истории нашей страны личному обогащению за счет большинства граждан”.

Нелегитимность экономической и политической власти ведет к усиливающейся дезинтеграции общества, нарастанию апатии, утрате необходимой для модернизационного прорыва социальной энергии. Существует опасность того, что власть, приход в которую связан с коррупционными схемами, едва ли будет серьезно бороться сама с собой. Она будет имитировать борьбу и не более того. И опять-таки настолько, насколько даже сама имитация не станет ей опасной. Поэтому вопрос о коррупции все больше и больше может перерасти в вопрос о власти и ее сути.

* * *

Экономисты и политологи, как правило, осторожны в оценке возможностей и целесообразности антикоррупционной борьбы как части государственной политики. Так, Г.А. Сатаров утверждает, что, при необходимости бороться с коррупцией, нужно остерегаться “резких шагов”, иначе “страна рухнет”. В одном из своих интервью он следующим образом обозначил свою позицию: «Коррупция настолько проникла в систему социально-экономических, политических связей, что ее грубое уничтожение обрушит эту систему. Понятие “борьба” сопряжено с опасностью не для коррупции, а с опасностью для страны и общества в целом. Здесь скорее уместно слово “лечение”. Поздно рассчитывать на хирургическое вмешательство. Операция уже невозможна, так как болезнь запущена настолько, что если вы попытаетесь удалить ее – организм погибнет. Это как рак, пустивший метастазы. Остается только лечить метастазы, а не резать»⁵⁴.

О возможности гибели всего организма в результате хирургической операции можно спорить. Но ясно одно: простых рецептов решения проблемы нет. Коррупция сегодня в России – и предпосылка, и результат разложения высшего чиновничества, и причина и следствие недостаточной эффективности реформ, фактор и результат определенной деморализации общества, в котором, кстати, царит пессимизм относительно возможности обуздать коррупцию⁵⁵. И если коррупция – индикатор низкой эффективности трансформации экономики и общества, то, следовательно, на серьезное снижение уровня коррупции можно надеяться, прежде всего, в результате существенной коррекции траектории реформ.

Президент РФ Д.А. Медведев считает борьбу с коррупцией одной из главных задач своего президентства, он подчеркивает, что коррупции как системной проблеме мы обязаны противопоставить системный ответ.

14 апреля 2010 г. подписан президентский указ “О национальной стратегии противодействия коррупции и национальном плане противодействия коррупции на 2010–2011 гг.”, предусматривающий комплекс правовых, организационных, институциональных и воспитательных мер антикоррупционного пакета законов.

К сегодняшнему дню принят пакет антикоррупционных законов. Ратифицированы Конвенция Организации Объединенных наций против коррупции от 31 октября 2003 г. и Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г. Практический после 15 лет острой борьбы одобрен и вступил в силу в декабре 2008 г. Федеральный закон “О противодействии коррупции”. Внесены необходимые изменения в отдельные законодательные акты Российской Федерации. В федеральных и региональных органах власти утверждены планы мероприятий по противодействию коррупции, внедряется система мониторинга выполнения этих программ. Эти меры в совокупности позволяют повысить прозрачность деятельности органов государст-

⁵⁴ Сатаров Г. Россия во мзде. – Новая газета, 2–8.XI.2000.

⁵⁵ Как сказал один из проинтервьюированных нами (50 лет, образование среднее специальное, мелкий предприниматель), “начинает казаться, что бороться с коррупцией – абсолютно бесполезное занятие. Джинн выпущен из бутылки, и обратно его уже не загнать. Борьба с коррупцией сегодня – это та же революция. Кто же теперь все это отдаст? Что же, расстреливать?”.

венной власти, регулировать сферу противодействия коррупции. Начата работа по организации эффективной антикоррупционной экспертизы тех законов и подзаконных актов, которые принимаются в нашей стране. Правительство утвердило правила проведения экспертизы.

Поставлена задача внедрения инновационных технологий в систему государственного управления, что позволит сделать процесс администрирования прозрачным, в частности, обеспечить переход на электронные торги, внедрить современные технологии при реализации различных видов имущества, продаваемого от имени государства, создать в сети Интернет государственное бюро правовой помощи, необходимые информационные сайты.

Утвержден порядок подачи государственными и муниципальными служащими сведений о своем имущественном положении, а также о доходах членов семей. Разрабатывается механизм проверки достоверности и полноты сведений, которые попадают в декларации о доходах.

В поле внимания экспертов находится вопрос о введении правил, регламентирующих порядок трудоустройства государственных и муниципальных служащих и лиц, замещавших государственные должности, после выхода их в отставку.

Если эти факты дополнить информацией об антикоррупционных процессах в отношении работников ряда министерств и ведомств РФ, которыми в последнее время пестрят страницы СМИ, если учесть определенную антикоррупционную активность граждан и отдельных общественных организаций, хочется верить, что лед, наконец, тронулся, и нынешняя политическая стратегия борьбы с коррупцией не выродится в очередной пиар-проект, а политическая воля верхов не запутается в господствующих ныне неформальных коррупционных сетях.